

— Ки-и-и-и-и!

Мышцы напрягаются, но в застывшем времени нервы и рассудок быстры. В этот момент я осознаю, что пора, и бросаюсь вперед, хватая мутанта за голову, когда он выпрыгивает из переуллка на ребёнка.

Сквозь кожу перчаток чувствую холодную кожу этого грязного существа. Монстр брызжет слюной в предвкушении слопать девочку, но внезапно поворачивается. Мутные серые глаза, подернутые безумием, впиваются в мои.

Мы смотрим друг на друга всего мгновение, а затем я, не колеблясь, выхватил меч из ножен и обрушил мутанту на голову. Кончики пальцев покалывает, когда слышу, как с хрустом раскалывается его черепушка.

— Ын Соя!

Пока я сбрасываю остатки наваждения, из толпы людей выскакивают мужчина и женщина, родители девочки. В руках они несли пакеты с пайком, видимо, совсем на секунду отвлеклись на раздачу еды.

Я вытащил меч из мертвяка, глядя, как родители тискают дочку, которую звали Ын Соя.

— Спасибо...спасибо вам огромное! — склонил голову отец семейства, а женщина плакала, обнимая ребенка.

Ответил им, мол, всё путём, и хорошо, что ребенок жив. Мутант начал извиваться, и я схватил его за волосы и потащил подальше, чтобы не нервировать людей.

Мы шли уже довольно долго, и настало время перекусить. С таким количеством людей, которых нужно защищать, мне некогда сидеть и отдыхать, и когда бреду с мутантом на буксире, Старый с винтовкой неподалеку произносит.

— Ты, блин, где его нашёл? Вокруг охраны десять человек, а они ни слуху, ни духу. Чтоб ты понимал, засранец, я тебя сейчас сильнее боюсь, чем самих мутантов.

Я усмехнулся его шутливому тону, боясь, что мое каменное выражение лица Старого встревожит. Оставив охрану разбираться с мутантом, вытер тряпкой лезвие меча и сказал жующему рядом батончик старику.

— Скажи людям, чтобы лучше полагались на зрение и слух. Мутанты умные, раз смогли пережить бомбардировку.

Они прирожденные охотники и умеют вводить людей в заблуждение. Машины для убийства, не похожие ни на что на свете, с которыми надо использовать самые изощрённые способы выживания.

Я не хочу показаться высокомерным, что могу с ними справляться. Просто смотрю на свои руки, забрызганные черной кровью, и судорожно сглатываю, понимая, что меняюсь. Через несколько мгновений отряхиваюсь от грязи и спрашиваю.

— Пострадавшие есть?

— Один серьезно ранен, двоих слегка зацепило. Но, к счастью, все живы.

Несмотря на обстрелы, в Городе еще бродили остатки тварей и мутантов, а у нас огромная толпа людей, которую сложно защитить.

Рации то и дело пищали, призывая помощь то в один, то в другой конец толпы. Все тут же останавливались, а охранники неслись драться с врагом. Однако, это того стоило: во время утомительного путешествия мы не потеряли ни одного человека.

— Нам, наверное, стоит дождаться темноты, чтобы покинуть Зону, верно? — спросил я.

— Конечно. Когда доберемся до места, разобьем лагерь неподалеку, — ответил старик.

Я кивнул, натянул кожаные перчатки, которые оставил, и вскоре уже проверял время и доставал рацию.

Было уже три часа дня, время шло к закату, и, хотя мы уверенно шли с самого утра, предстояло пройти гораздо больше, чем я думал. Тяжело вздохнув от усталости, поднял с земли шапку и натянул на голову.

Теплый весенний ветерок обдувает мое лицо.

Когда раздвигаю ветки перед собой, сумерки, нависшие над горами, размахивают оранжевым приветствием. Я игнорирую это приветствие, поправляя шапку, и лихорадочно сканирую взглядом местность. И когда убеждаюсь, что никаких следов монстров и никакой опасности для нас нет, тихонько присвистываю.

Как только я подаю сигнал, что все безопасно, люди начинают один за другим выскальзывать из кустов.

Раз, два, три... Маленькая группа начала расти, как прилив, и вскоре на большой поляне, которую я нашел, уже было много людей. Это была поляна в горах, примерно в пяти километрах от границы Зоны.

Вокруг много деревьев, бросающих тени на поляну, так что это было хорошее место для ночлега. Убедившись, что тварей точно нет поблизости, я делаю вдох, снимая напряжение, и выпрямляю спину.

— Глава, вы, наверное, устали.

— Братан, отдохни немного.

Чувствую некоторое облегчение, как и ребята, которые толпятся вокруг. Каждый занялся делом, обустривая лагерь. Конечно, мы не можем развести костер, но ставим палатки и баррикады вокруг, больше для успокоения. Теперь лагерь похож на часы, в котором крутятся люди-шестерёнки.

Понаблюдав за ними, созываю собрание, и мы садимся поодаль от толпы, чтобы согласовать дату прорыва через отцепление, которую не успели назначить в Эдеме. Детектив Канг, все еще перебинтованный от ран, полученных два дня назад, почесал бровь и спросил.

— Сегодня не получится, да?

В любом случае, когда мы выйдем за пределы оцепленной зоны, будет глубокая ночь. Но вопрос в том, будет ли это сегодня или завтра? Изначально мы думали пойти сегодня, но люди устали больше, чем мы предполагали.

Ребята задумались и некоторое время хмурились, не в силах принять решение. Но Старый, решивший, что медлить нельзя, наконец заговорил.

— Нам следует отдохнуть хотя бы день. Давайте проведем разведку сегодня ночью.

Соглашаюсь со стариком, и мы быстро приходим к компромиссу: день отдыха — это риск, но лучше, чем слишком сильно давить на людей и рисковать жизнями.

Я отдал еще несколько приказов об обустройстве лагеря и объявил об окончании собрания. Следующие два часа мы будем отдыхать, а затем отправимся на разведку. Я крикнул бойцам, чтобы они отдыхали, а сам поднялся с места.

Люди знали, как провести ночь с минимумом огня и шума. Солнце уже полностью село, и в

беспросветном лагере царила тишина, как будто здесь ничего не было. Только редкие шорохи и покашливания указывали на то, что здесь есть люди.

Я прошел через весь палаточный лагерь к тому месту, где, как я знал, расположилась наша группа, и, отодвинув грубую ткань, тихо позвал Кан Су Рён.

— Су Рён.

Вместо ответа женщина улыбнулась и подняла глаза. В центре палатки горела свеча, Че Ён спала, завернутая в одеяло с каким-то милым персонажем, а Кан Су Рён что-то шила, и когда я присмотрелся, то увидел, что это все моя одежда и снаряжение. Одежда, которая всегда была порвана, теперь, как новая, и все благодаря Кан Су Рён, которая аккуратно ее зашила.

— Ты ужинал? — ласково спросила она, не отрываясь от работы, когда я присел рядом.

Я молча кивнул, затем подвинулся к спящей девочке и взъерошил ей чёлку.

Некоторое время мы молчали. За пределами палатки слышны только тихий шепот людей и шаги охранников, передвигающихся по периметру. Осталось всего 20 минут, чтобы провести время с родными. Слишком мало.

Закончив шитьё, Кан Су Рён мрачно посмотрела на свечку и спросила.

— Снова уйдёшь?

Я никому, кроме команды, не говорил о том, что сегодня вечером будет разведка. Однако Кан Су Рён поняла по моему поведению и лицу, что нам снова придется уходить.

Я не мог ответить, лишь сглотнул горькую слюну, глядя в ее повлажневшие глаза. Пламя свечки еле трепещет, а женщина откладывает шитьё и всхлипывает.

— В тот день, когда мне сказали, что ты пропал и, возможно, умер, я так волновалась, что плакала всю ночь.

Несмотря на всю боль, она всегда улыбается. Через что бы она ни проходила, всегда старалась быть позитивной. А вот заплаканная Кан Су Рён, которая смотрела на меня сейчас, была обычным человеком, ничем не отличающимся от других женщин.

Очевидно, не только у меня в сердце живет страх потерять дорогого мне человека. Она терпеливо переносила боль, и вот теперь сдерживаемое горе наконец прорвалось наружу, и она разрыдалась в моих объятиях. Затем, словно на исповеди, она, не задумываясь, произносит слова, которые прятала в своем сердце.

— Почему именно ты, Дон Юн? Почему именно ты должен так страдать? Люди, которые действительно провинились, прекрасно живут там, на свободе, так почему именно ты должен нести такое наказание? Это несправедливо, правда....Это...это не правильно...

Кого нам винить и проклинать? Мы сидим здесь, а люди, которые нас изолировали, где-то там. Они не поймут наших страданий и не видят нашей борьбы.

Мы пытаемся выжить, а все, что ждет впереди — равнодушие и дула пистолетов, направленные на нас. И остается лишь кричать в отчаянии.

— Я не хочу, чтобы ты уходил...н-но это эгоистично, знаю. Кроме нас есть еще столько людей...и если тебе тяжело, ты никогда никому не признаешься.

Ее эмоции совсем смешались. Су Рён заикается, то извиняясь, то говоря о своей любви ко мне, но лишь молча обнимаю ее, глядя на пламя и сдерживая эмоции.

Свеча мерцает, словно кто-то проливает на нее слезы. Сейчас, возможно, каждый выживший так же сидит и смотрит на маленький огонек. Может быть, когда нибудь он погаснет, но точно не сейчас.

Тьма становится все глубже. Наступает ночь. Этот лес и этот Город, как бумага, пропитанная водой, хранят эмоции стольких людей.

На улице глубокая ночь. Луна спряталась за облаками, лишь изредка наблюдая за нами. Я шагаю вперед, продираясь сквозь траву, ведомый лишь своими чувствами.

Вокруг неслышно идут ребята, а затем тишина прерывается голосом Старого.

— Я сказал Дусику отдыхать, а Дэ Бак охраняет лагерь.

Впервые за долгое время наша команда вновь собралась в первоначальном составе, только Дусика не хватало. Ему пришлось остаться в лагере из-за усталости и болезни, но даже его отсутствие не отменяет того факта, что здесь собрались лучшие из лучших.

Старый протягивает мне два магазина патронов, пока я прикручиваю глушитель к винтовке. Вдалеке виднелась граница Зоны, и я немного нервничал, не зная, что ожидать, ведь необходимо вывести людей в целостности и сохранности.

— Не стреляйте, пока не прикажут. Ваша задача — благополучно вернуться.

На мой шепот ребята кивнули. Тогда я повернулся и уставился в темноту, в том направлении, куда нам нужно идти. Сердце бешено колотилось, рука на винтовке дернулась. Я плотно натянул на голову шапку и побежал вперед.

Деревья, лес, трава, ветки — все проносится мимо. Звук хруста листьев и хлюпанья грязи вскоре сменяется тихим дыханием моих спутников, и мы, словно порыв ветра, начинаем двигаться к границе. Мы бежим, наверное, уже час. Вдали показались искусственные отблески электрических фонарей.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4876397>